

The poster features a man and a woman in a romantic embrace, their faces close together, looking down. They are standing in the rain. In the background, there is a large, dark, multi-story house with several windows glowing with warm light. The sky is dark and stormy, with a bright, golden light source (the sun or moon) breaking through the clouds on the right side, creating a dramatic silhouette effect. The overall mood is romantic and mysterious.

Эвелин Торн

Там, где кончается *дождь*

Там, где заканчивается
дождь, начинается правда

Эвелин Торн

Там, где кончается дождь

<https://litres.ru/74425584>

SelfPub; 2026

Аннотация

Клара Кэмпбелл возвращается в родной город Грейтон, чтобы продать дом отца. Но на пороге её встречает Адриан Хейл — холодный, расчётливый, с бумагами, которые утверждают, что дом принадлежит ему.

Клара не собирается уступать. Она остаётся, чтобы выяснить правду о смерти отца и понять, почему этот чужой человек так держится за её прошлое. Им придётся делить один дом, и чем дольше они рядом, тем яснее: их связывает не только спор о недвижимости. Старые тайны, чужие долги и опасные люди затягивают их в воронку, из которой невозможно выбраться поодиночке.

От ненависти до любви один шаг. Но этот шаг может стать для них последним.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Там, где кончается дождь

Пролог

Я никогда не верила в знаки. В судьбу, в предзнаменования, в то, что вселенная может подтолкнуть человека к краю, чтобы он наконец увидел, как глубоко падать. До того дня, как я вышла из автобуса на пустынной трассе под дождём, который пах бензином и мокрым асфальтом, и поняла: если и есть на свете место, где можно потерять себя окончательно, — это Грейтон. Мама плакала, когда я уезжала. Папа молчал, как всегда, когда слова имели значение. Я пообещала, что буду звонить. Что не пропаду. Что вернусь, если станет совсем плохо. Я солгала по всем трём пунктам. Не потому что хотела причинить им боль. Просто знала: если позвоню, если услышу их голоса, то сорвусь и вернусь в тот же ад, из которого сбежала. А я не могла. Не теперь. Чемодан оттягивал руку. Капюшон промок насквозь, и вода стекала по лицу, смешиваясь с чем-то солёным, что я отказывалась признавать слезами. Где-то вдалеке мигал фонарь — жёлтый, дрожащий, как последний вздох умирающего светлячка. Город встречал меня тишиной и равнодушием. — Добро пожаловать в Грейтон, — прошептала я себе под нос и зашагала вперёд.

Глава 1

Я стояла на перроне, и дождь лил так, словно небо решило выплакать за меня все те слёзы, которые я не позволяла себе уже много лет. Вокруг было серо, мокро и холодно до самых костей, и воздух — тяжёлый, пропитанный запахом угля, сырой земли и чего-то ещё, неуловимо знакомого, отчего внутри всё сжималось до размера горошины. Я не была в Грейтоне шесть лет, но этот запах узнала сразу, как узнают запах старого дома, в котором вырос: он впитался в мою память навсегда, как чернила в бумагу.

Чемодан стоял у моих ног, и ручка его была скользкой от влаги, а может, от моих пальцев, которые уже начинали дрожать, хотя я изо всех сил старалась держать себя в руках. Вокруг сустились люди: кто-то бежал к автобусу, прикрывая голову газетой, кто-то обнимался с встречающими, кто-то просто стоял, как я, глядя в серое небо с выражением тихой обречённости. Но все они казались частью другого мира, мира, который продолжал жить своей обычной жизнью, пока я стояла на краю, не решаясь шагнуть в тот, который поклялась забыть.

Я сделала шаг. Потом ещё один. Каблуки моих ботинок гулко стучали по мокрому асфальту, и звук этот разносился в воздухе, как удары сердца, которое билось где-то в горле. Я не хотела возвращаться. Каждая клетка моего тела кричала:

развернись, сядь обратно в поезд, уезжай туда, где нет ни этого дождя, ни этих воспоминаний. Но я знала, что не могу. Звонок нотариуса, раздавшийся три дня назад, вырвал меня из моей почти налаженной жизни, как вырывают дерево с корнем, оставляя в груди зияющую, кровоточащую рану.

«Ваш отец оставил вам дом, мисс Кэмпбелл. Вам нужно приехать и подписать бумаги». Голос в трубке был сухим, бесстрастным, и от него веяло таким равнодушием, что я не сразу поверила, что речь идёт о человеке, который когда-то держал меня на руках. Но я ответила: «Хорошо», и в этом слове было столько глухой, застарелой боли, что я сама удивилась, как она ещё умещается во мне.

Теперь я шла по улице, которую помнила так хорошо и которую так старалась стереть из памяти, и всё вокруг казалось мне декорацией к какому-то дурному сну. Вот старая аптека на углу, где мама покупала мне леденцы от кашля, — витрина её заколочена, вывеска выцвела до неузнаваемости. Вот парикмахерская, куда она водила меня стричься, — на двери висит амбарный замок, и окна затянуты пыльной пеленой. Вот перекрёсток, где мы стояли с ней в последний раз, держась за руки, прежде чем она ушла навсегда, оставив меня в этом городе, как птенец, выпавший из гнезда.

Я остановилась, перевела дыхание, стараясь унять дрожь, которая уже не была связана с холодом. Дождь стекал по моему лицу, смешиваясь с чем-то солёным, что я упорно отказывалась признавать слезами. Плакать было нельзя. Я запре-

тила себе это давным-давно, ещё в тот день, когда поняла, что слёзы не возвращают мёртвых и не лечат живых. Но сейчас, стоя посреди этого промозглого города, который, казалось, был соткан из моих самых страшных воспоминаний, я почувствовала, как внутри что-то надламывается, как лёд на реке в конце зимы.

Я шла дальше. Мимо тянулись серые дома с мокрыми фасадами, мимо чёрных деревьев, которые тянули к небу голые, скрюченные ветки, словно молили о пощаде. Улицы были пусты, только изредка проезжали машины, разбрызгивая лужи, и их фары на миг выхватывали из темноты куски этого умирающего городка, чтобы снова погрузить всё в сумрак.

Дом показался неожиданно. Я завернула за угол, подняла голову — и замерла.

Он стоял в конце улицы, у самого леса, как старый, забытый всеми великан. Три этажа тёмного кирпича, высокие окна, похожие на пустые глазницы, облупленные колонны, которые когда-то, наверное, выглядели величественно, а теперь лишь подчёркивали упадок. Он был мрачным, заброшенным, и от него веяло такой безысходностью, что я на мгновение перестала дышать. Здесь прошло моё детство. Здесь умерла моя мать. Здесь я в последний раз видела отца — измученного, опустошённого, с глазами, в которых уже не было ни надежды, ни воли к жизни.

И теперь я вернулась, чтобы навсегда закрыть эту дверь. Я подошла ближе, чувствуя, как сердце колотится где-то

в висках. Ворота были приоткрыты, дорожка заросла сорняками, а ступеньки крыльца покрыты зелёным налётом. Всё кричало о запустении, о том, что здесь давно никто не жил и, возможно, уже никто не вернётся. Но когда я подняла глаза к двери, то увидела нечто, отчего кровь застыла в моих жилах.

На крыльце стоял мужчина.

Он был высокий, широкоплечий, одетый в длинное чёрное пальто, которое намокло от дождя и облепило его фигуру. В руке он держал сигарету, и тонкая струйка дыма поднималась в воздух, чтобы тут же раствориться в серой мгле. Он стоял, прислонившись к колонне, и смотрел на меня, не двигаясь, как изваяние. Его лицо было в тени, но я всё равно чувствовала его взгляд — тяжёлый, пронизывающий, как ледяной ветер.

Я замерла. Все мои инстинкты кричали: беги. Но ноги словно приросли к земле.

— Клара Кэмпбелл, — произнёс он, и его голос прозвучал негромко, но в нём было столько стали, что я вздрогнула, будто от удара.

— Кто вы? — спросила я, и мой голос, к моему стыду, дрогнул.

Он сделал затяжку, выпустил дым и медленно выдохнул, не отводя от меня глаз.

— Адриан Хейл. И, боюсь, у нас с тобой есть незаконченный разговор.

Я смотрела на него, пытаясь найти в этом лице хоть что-

то, что можно было бы назвать человеческим. Но видела только холод, который, казалось, исходил от него, как мороз от зимнего окна. И в этот момент я поняла, что этот человек пришёл не с добрыми вестями. Однако настоящей ненависти я к нему не испытывала — пока лишь глухую неприязнь и злость на саму ситуацию, которая снова столкнула меня с прошлым в самом неприятном его обличье.

Он бросил окурок в мокрую траву, и тот зашипел, умирая. Потом спустился с крыльца — медленно, уверенно, как хищник, который не торопится, потому что знает, что добыча никуда не денется. С каждым его шагом воздух между нами сгущался, и мне казалось, что я слышу, как трещит тишина.

— Что вам нужно? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри у меня всё дрожало, как осиновый лист.

Он остановился в двух шагах от меня. Теперь я могла разглядеть его лицо: резкие скулы, прямой нос, тонкие губы, сжатые в жёсткую линию, и глаза — серые, как грозовое небо, холодные, как сталь. Он был красив той опасной, пугающей красотой, которая не сулит ничего хорошего. И всё же в тот момент я ещё не ненавидела его по-настоящему. Скорее, чувствовала, как внутри поднимается глухое раздражение пополам с бессилием: ну почему именно он? Почему именно сейчас? Почему всё, что связано с этим городом, обязательно должно причинять боль?

— Мне нужно, чтобы ты подписала бумаги, — произнёс он, и в его тоне не было ни намёка на вежливость.

Я почувствовала, как внутри закипает обида. Не страх, не растерянность, а горькая, едкая обида на этого человека, который явился в самый уязвимый момент моей жизни и даже не счёл нужным поздороваться как следует.

— Какие бумаги? — процедила я.

Он сунул руку во внутренний карман пальто и вытащил конверт. Протянул мне. Я колебалась лишь секунду, потом выхватила его, чувствуя, как бумага холодит пальцы.

Внутри был договор. Тот самый, от которого у меня потемнело в глазах. Мой отец продал дом. Продал за долги, которые не смог выплатить. И этот человек, стоящий передо мной с лицом палача, был новым владельцем.

— Это какая-то ошибка, — выдохнула я, хотя в глубине души уже знала, что, скорее всего, нет.

— Подпись твоего отца. Можешь проверить.

— Почему вы так поступаете? — спросила я, и в моём голосе прозвучало столько недоумения, что я сама удивилась. Я ожидала, что буду кричать, топтать ногами, но вместо этого просто стояла, прижимая к груди эти проклятые листы, и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Он склонил голову набок, и в его холодных глазах промелькнуло что-то, похожее на усталое раздражение.

— Твой отец был должен мне крупную сумму. Он не вернул. Дом — единственное, что у него осталось. И теперь он

мой.

Я сжала бумаги так, что они помялись в кулаке. Внутри меня бушевала буря, но я всё ещё не могла назвать это ненавистью. Это была гремучая смесь из отчаяния, несправедливости и жгучей, почти детской обиды на весь мир.

— Мой отец умер, — сказала я, и голос предательски дрогнул. — Вы знали об этом?

— Знал.

— И всё равно пришли забирать дом?

Адриан посмотрел на меня так, будто я спросила какую-то глупость.

— Смерть не отменяет долгов, Клара.

Эти слова вонзились в меня, как нож. Но вместо ярости я почувствовала только огромную, всепоглощающую усталость. Усталость от этого города, от этих разговоров, от вечной борьбы, которую я никогда не выбирала. И всё же где-то на дне этой усталости уже начинал тлеть уголёк злости — не на него лично, а на несправедливость, которую он собой олицетворял.

— Я не подпишу, — произнесла я, и в моём голосе впервые прозвучала та самая сталь, которую я сама в себе не подозревала.

Он усмехнулся. Тонко, без веселья.

— Подпишешь.

— Вы меня не знаете.

— Я знаю достаточно.

Он сделал ещё шаг ко мне, и теперь я чувствовала запах дождя, смешанный с табаком и чем-то ещё — тёмным, терпким, что исходил от него, как от ночного леса. Его глаза были так близко, что я видела в них своё отражение — маленькую, дрожащую, но не сломленную. И в этот момент я вдруг поняла: он мне глубоко неприятен, но настоящей ненависти пока нет. Есть лишь отчаянное желание дать отпор, не дать себя растоптать.

— У тебя два варианта, — сказал он тихо, но от этого тихого голоса становилось только страшнее. — Либо ты подписываешь договор и уезжаешь отсюда с чистой совестью, либо я подаю в суд, и тогда ты потеряешь не только дом, но и последнее, что у тебя осталось.

Я смотрела ему в глаза, и внутри меня поднималась такая волна негодования, что, казалось, она вот-вот вырвется наружу. Но я сдержалась. Сжала зубы, перевела дыхание и произнесла — тихо, но твёрдо:

— Вы можете отнять у меня дом. Но вы не отнимете у меня достоинство.

Он выдержал мой взгляд, и на долю секунды в его глазах что-то дрогнуло. Но лишь на долю секунды. Потом он снова стал прежним — холодным, непроницаемым, как замёрзшее озеро.

— Достоинство, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Это то, что твой отец потерял задолго до смерти.

И в этот момент я поняла, что он не уйдёт. Не сейчас. Он

стоял напротив меня, как скала, и всем своим видом давал понять: этот разговор не окончен, пока я не поставлю свою подпись.

— Я не уеду, — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — И в дом я войду. Это мой дом, и вы не можете мне запретить.

Адриан прищурился, и в его серых глазах появилось что-то новое — не злость, а, скорее, любопытство, смешанное с раздражением.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь.

— Я понимаю больше, чем вы думаете.

Он долго смотрел на меня, словно прикидывая, стоит ли продолжать спор. Потом медленно покачал головой, усмехнулся уголком губ.

— Хорошо, — произнёс он. — Иди. Но знай: дом по-прежнему мой. И я не собираюсь оставлять тебя здесь одну.

Я уставилась на него, не веря своим ушам.

— Что это значит?

— Это значит, что я останусь, — сказал он спокойно. — Пока мы не решим вопрос с документами, я буду рядом. Хочешь ты этого или нет.

От этих слов у меня внутри всё сжалось. Остаться? Здесь? Со мной? Это было хуже, чем если бы он просто выгнал меня на улицу.

— Вы не можете...

— Могу, — перебил он. — И сделаю.

Он развернулся, подошёл к машине, открыл багажник. Я видела, как он достал небольшую сумку, захлопнул крышку и направился обратно к дому. Прошёл мимо меня, даже не взглянув, поднялся на крыльцо, открыл дверь своим ключом — своим! — и скрылся внутри, оставив меня стоять под дождём, как будто это я была здесь чужой.

Я не знала, сколько времени прошло, прежде чем я смогла пошевелиться. Внутри всё кипело от бессилия и злости. Он ворвался в мою жизнь, как ураган, и теперь собирался контролировать каждый мой шаг. Но вместе с тем в груди, где-то глубоко, под слоем растерянности и гнева, шевельнулось что-то ещё. Что-то, что я не могла назвать.

И, сжимая в кулаке смятые бумаги, я медленно пошла к дому. К своему дому. Который теперь, возможно, уже не был моим.

Глава 2

В дом я вошла не сразу. Ещё какое-то время стояла под дождём, чувствуя, как капли, холодные и настойчивые, стекают по вискам, за воротник, по рукам, сжимающим смятые листы договора. Внутри, под кожей, всё ещё пульсировало напряжение, но теперь к нему примешивалось нечто иное — странное, отрезвляющее спокойствие, которое приходило ко мне всегда, когда паника грозила перехватить горло. Я сделала несколько глубоких вдохов, как учила меня когда-то мама: медленный вдох через нос, задержка, выдох через рот. Воздух был сырым и тяжёлым, пах мокрой травой и железом, но он помог. Мысли, до этого скакавшие, как испуганные белки, начали выстраиваться в ровную цепочку.

Он остался. Вошёл в мой дом, открыл дверь своим ключом, как хозяин, и даже не обернулся. Я не могла выгнать его — пока не могла, и это следовало признать, как бы горько ни было. У него были документы. У меня — только воспоминания и упрямство. Но упрямство, в отличие от бумаг, не имело юридической силы. Значит, нужно было действовать иначе: не кричать, не плакать, не доказывать очевидное, а наблюдать, анализировать, ждать. Я хорошо умела ждать — за эти шесть лет одиночества терпение стало моей второй натурой.

Дверь он оставил приоткрытой. Из неё тянуло теплом, пы-

лью и едва уловимым запахом табака — его запахом, уже успевшим проникнуть в дом, будто он всегда здесь жил. Я помедлила лишь секунду, потом толкнула створку и переступила порог. Внутри было всё то же запустение, что я успела заметить мельком: сумрак, сырость, старая мебель, накрытая тенью. Но теперь в этой картине появился он — Адриан стоял в гостиной, у дальнего окна, и смотрел на улицу. Его сумка лежала на полу у двери, чёрная, лаконичная, чужеродная, как ворон в гнезде.

Он не обернулся, когда я вошла. Только чуть наклонил голову, словно отмечая моё присутствие, и снова устремил взгляд куда-то за мокрое стекло. Я закрыла за собой дверь — мягко, без стука, но достаточно слышно, чтобы он понял: я здесь, и я не собираюсь прятаться. Потом сняла промокшее пальто, повесила его на старую вешалку в прихожей, стараясь не думать о том, что каждое моё движение фиксируется его вниманием, даже если он и не смотрит.

В доме было холодно, и я поёжилась. Старые стены держали сырость, как губка, а окна, давно не открывавшиеся, покрылись изнутри тонкой плёнкой влаги. Я прошла в кухню, не задавая ему вопросов, не ожидая от него слов. Просто двигалась, потому что движение помогало не поддаваться липкой тревоге, которая всё ещё ползла вдоль позвоночника.

На кухне пахло затхлостью и чем-то сладковатым, как от подгнивших фруктов. Я открыла кран — он зашипел, закаш-

лял, выпустил струю ржавой воды, которая постепенно стала прозрачной. На столе, под слоем пыли, лежала старая маминa скатерть — выцветшие цветы на льняной ткани. Я провела по ней ладонью, и пыль осела на пальцы, как серая пудра. В груди снова что-то сжалось, но я не позволила себе раскисать. Вместо этого обернулась к дверному проёму, в котором уже стоял Адриан, скрестив руки на груди.

— Дом не подключён к электричеству, — произнёс он ровно. — И воды, как видишь, почти нет. Ты не сможешь здесь жить.

— А я и не просила вашего разрешения, — ответила я спокойно, встретив его взгляд.

Он не усмехнулся, не разозлился. Просто смотрел, и в его серых глазах было что-то, похожее на изучение, словно он пытался понять, из какого теста я сделана.

— Дело не в разрешении, — сказал он после паузы. — Дело в элементарных условиях. Здесь сыро, нет отопления, и, если ты останешься, ты просто заболеешь. Мне не нужны лишние проблемы.

Я прошла мимо него обратно в гостиную, стараясь держать спину прямо. Остановилась у камина, провела рукой по холодной кладке. Пепел в топке всё так же лежал серой горкой, но сейчас он казался не символом утраты, а просто мусором, который нужно вычистить.

— Вы говорите так, будто заботитесь обо мне, — заметила я, не оборачиваясь. — Это как-то не вяжется с вашим вче-

рашним требованием подписать бумаги.

— Я не забочусь о тебе, — ответил он, и в его голосе слышалась усталая прямота. — Я забочусь о том, чтобы всё прошло без лишних эксцессов. Если ты заболеешь или устроишь здесь скандал, это создаст мне неудобства. Только и всего.

Я наконец повернулась к нему. Он стоял в нескольких метрах, всё такой же собранный, со спокойным лицом, но в его позе, в том, как он опирался плечом о дверной косяк, было что-то выжидательное. Я вдруг отчётливо осознала, что этот человек привык решать проблемы, а не бежать от них, и что моя попытка выставить его за дверь была бы не просто глупой, но и бесполезной.

— Что вам нужно? — спросила я, на этот раз без вызова, а с холодной вежливостью, которая, как я надеялась, покажет ему, что я умею держать себя в руках. — На самом деле.

Он помолчал. Отлепился от косяка, сделал пару шагов в мою сторону, но остановился на безопасном расстоянии.

— Мне нужно, чтобы ты подписала документы и передала дом, — произнёс он. — Но ещё больше мне нужно, чтобы ты поняла: это не моя прихоть. Твой отец сам поставил подпись. Он взял деньги. Он знал, чем рискует. И если ты считаешь, что я должен отказаться от своего права из жалости, ты ошибаешься.

Его слова были жёсткими, но в них не было ни злобы, ни желания унижить. Только факты, выстроенные в ровную линию, как костяшки домино. Я смотрела на него и не находи-

ла в его лице ни одной трещины, за которую можно было бы зацепиться.

— Я не прошу жалости, — ответила я. — Я прошу время. Разобраться в бумагах, проверить подлинность подписи, понять, что происходит. Мой отец был не в состоянии подписывать серьёзные документы в последние годы. И вы это знаете не хуже меня.

Адриан чуть прищурился. В полутьме его лицо казалось высеченным из тёплого камня — неподвижное, но не пустое.

— Твой отец был в состоянии подписывать всё, что ему подсовывали, — возразил он. — Особенно если речь шла о деньгах.

Я втянула воздух сквозь зубы, но не позволила гневу вырваться наружу. Он снова говорил правду, и от этого становилось только противнее. Я знала, каким был отец. Знала его слабости. Но между знанием и признанием вслух лежала целая пропасть, через которую я не была готова переступить в присутствии этого человека.

— Давайте так, — предложила я, тщательно выверяя каждое слово. — Я не подпишу ничего сегодня. Вы можете остаться, раз уж у вас есть ключ и вы считаете дом своим. Но я тоже не уйду. Мы оба взрослые люди и способны провести несколько дней под одной крышей, пока я не выясню, насколько законны ваши притязания. Если вы правы — я уеду. Если нет — мы поговорим иначе.

Он выслушал меня не перебивая. В его глазах мелькнуло

что-то, похожее на неохотное одобрение.

— Хорошо, — произнёс он. — Несколько дней. Но если ты попытаешься вывезти вещи или продать что-то, я подам заявление.

— У меня нет вещей, которые можно продать, — ответила я сухо. — Всё ценное отсюда вынесли ещё до моего приезда.

Он промолчал. Я видела, как его взгляд скользнул по моему лицу, потом — по комнате, по старым обоям, по заколоченному окну. Возможно, он тоже чувствовал эту странную, давящую атмосферу дома, которая не отпускала никого из нас.

Вечер мы провели в разных комнатах. Адриан развёл огонь в камине — кажется, у него с собой были спички и несколько поленьев, которые он нашёл в сарае. Я стояла у окна, глядя, как пламя отбрасывает на стены тёплые, живые тени, и слушала, как трещат дрова. Он сидел в старом кресле у огня, не разговаривал, не смотрел на меня. Но я чувствовала его присутствие каждой клеточкой, как чувствуют приближение грозы задолго до первого грома.

Ночью я легла на диване в гостиной, укрывшись тем самым пледом, что пах пылью и лавандой. Адриан не возразил и не предложил другого места. Он лишь коротко взглянул на меня, когда я устраивалась, и отвернулся к огню, продолжая смотреть на умирающие угли. Я не знала, спал ли он вообще. Но в какой-то момент, уже на грани сна, я услышала, как он тихо встал, прошёл в прихожую и запер входную дверь на

засов.

И от этого звука мне стало почему-то не страшно, а наоборот — спокойно. Будто впервые за долгое время кто-то позаботился о том, чтобы дверь была закрыта.

Утром я проснулась от холода. Камин погас, комната остыла, а за окном моросил всё тот же бесконечный дождь. Адриана в доме не было. Его сумка стояла у двери, а на кухонном столе, рядом с моим смятым договором, лежал свежий пакет с едой и записка, написанная размашистым почерком:

«Вернусь к вечеру. Не выходи из дома. Здесь небезопасно».

Я перечитала записку дважды. Потом сложила её пополам и сунула в карман джинсов. Внутри не было ни страха, ни злости. Только усталое, почти равнодушное любопытство: что ещё я не знаю об этом городе, этом доме и человеке, который снова и снова появляется на моём пути, не оставляя выбора, но и не делая ничего, чтобы прогнать меня?

Я взяла из пакета яблоко, откусила. Оно было холодным, кисло-сладким, и пахло сентябрём. Я ела его, стоя у окна, и смотрела, как дождь смывает с дорожек следы его машины, стирая все доказательства того, что он вообще был здесь.

И всё же я знала: вечером он вернётся. И эта мысль не давала мне покоя гораздо больше, чем все угрозы, которые он мог бы произнести.

Глава 3

Утро выдалось таким же серым, как и все предыдущие, — казалось, само небо над Грейтоном забыло, каким бывает солнце, и теперь лишь лениво сочилось сквозь толщу туч белесоватым, разбавленным светом. Я проснулась, когда за окнами ещё висела та особая, зыбкая полутьма, в которой все предметы кажутся размытыми, будто смотришь на них сквозь мокрое стекло. Несколько секунд я просто лежала, прислушиваясь к тишине дома — глухой, вязкой, нарушаемой лишь неровным стуком капель о подоконник да редкими вздохами старого дерева, остывающего после ночи.

Адриана не было. Я поняла это ещё до того, как окончательно проснулась, — по той особенной пустоте, которую оставляет после себя человек, находившийся рядом слишком долго. Его кресло у потухшего камина было пустым, сумка всё так же стояла у двери, но пальто, висевшее вчера на спинке стула, исчезло. Значит, ушёл. Тихо, не разбудив меня, — и от этого было немного не по себе, потому что я привыкла спать чутко, а тут вдруг проспала его уход.

Я села на диване, поёжилась. Плед, которым я укрывалась, сбился в ногах, и холод сразу же пробрался под одежду, липкий, сырой, какой бывает только в старых домах с неисправной печью. В комнате стоял запах остывшей золы и ещё чего-то неуловимого — его запах, впитавшийся в воздух, как

дым в портьеры. Я мотнула головой, прогоняя лишние мысли, и заставила себя подняться.

День нужно было чем-то занять, иначе тишина этого дома сведёт меня с ума быстрее, чем любые споры с Адрианом. Я умылась ледяной водой, которая всё ещё текла из крана тонкой, дрожащей струйкой, переоделась в сухое и для начала просто обошла дом, уже не как человек, который только что вернулся, а как тот, кто намерен остаться. В каждой комнате я останавливалась, трогала вещи, поправляла то, что поддавалось поправке, и прикидывала, с чего начать уборку. Полы были покрыты слоем пыли, кое-где в углах висела паутина, а воздух, застоявшийся за годы, никак не хотел уступать место свежести, хотя я приоткрыла окно в кухне, впустив в дом холодную морось.

К полудню я привела в относительный порядок гостиную: собрала с мебели чехлы, вытряхнула их прямо под дождём, смахнула пыль с подоконников, выгребла из камина остатки старых углей. Работа была простой, почти механической, и именно это помогало не думать о том, что весь этот дом, возможно, уже мне не принадлежит. Я цеплялась за каждое движение, за каждый выдох, за каждый предмет, который можно было оттереть, отмыть, приспособить, — как за соломинку, способную удержать на поверхности.

На кухне, за старым буфетом, который я решила отодвинуть от стены, чтобы вымыть пол, я и нашла его.

Конверт лежал на полу, прижатый задней ножкой к плин-

тусу, — серый от пыли, с пожелтевшими краями. Сначала я подумала, что это какой-то старый счёт или рекламный буклет, завалившийся ещё при отце. Но когда я наклонилась и подняла его, внутри что-то оборвалось. На лицевой стороне, выведенное хорошо знакомым, чуть нервным почерком, значилось: «Адриану Хейлу. Лично».

Я стояла с этим конвертом в руках и не знала, что делать. Сердце стучало где-то в горле, а пальцы, испачканные пылью, слегка подрагивали. Письмо моему врагу, написанное рукой моего отца. Возможно, именно оно объяснило бы всё — и долг, и дом, и то, почему Адриан так уверен в своих правах. Но имела ли я право его читать? Имела ли право не читать?

Я повернула конверт. Клапан был не заклеен, просто заправлен внутрь, — наверное, отец собирался запечатать его позже, но не успел. Или не захотел. Я осторожно вытащила сложенный втрое лист и развернула его, чувствуя, как бумага, высохшая от времени, тихонько потрескивает под пальцами.

«Адриан, — начиналось письмо, — я знаю, что не имею права просить тебя об этом после всего, что сделал. Но я пишу, потому что больше мне идти не к кому. Я взял эти деньги не для себя. Ты знаешь, что моя жена больна. Лечение стоило дороже, чем я мог себе позволить, и я был готов на всё, лишь бы вытащить её. Я понимал, чем рискую, когда подписывал бумаги. Ты имеешь полное право забрать дом, и

я не стану оспаривать твоё решение. Но прошу тебя, дай мне отсрочку — хотя бы полгода. Я найду способ вернуть долг, пусть даже частями. Мне нужно только время».

Дальше шло несколько зачёркнутых строк, а в самом низу, неровным, смазанным почерком было приписано: «Если ты читаешь это, значит, я так и не решился отправить. Но ты должен знать: я не хотел причинить тебе зло. Просто я был слишком слаб, чтобы признаться раньше».

Я перечитала письмо дважды, потом ещё раз. Слова плыли перед глазами, и я не сразу поняла, что плачу — беззвучно, одними только слезами, которые катились по щекам и падали на бумагу, оставляя на ней тёмные крапинки. Отец писал о маме. О её болезни. О деньгах, которые были нужны на лечение. И просил у Адриана отсрочку. Не оспаривал долг, не выдумывал оправданий — просто просил время.

Письмо так и не было отправлено. Значит, мама уже не могла ждать. Или он не решился.

Я сидела на полу кухни, прижав письмо к груди, и чувствовала, как внутри меня, поверх усталости и боли, разливается новое, сложное чувство — не прощение, нет, но что-то, отдалённо похожее на понимание. Отец был слабым. Он совершил ошибку. Но он не был чудовищем. И это знание, как ни странно, приносило не облегчение, а новую, ещё более острую боль.

Вечером, когда за окнами сгустились сумерки, я услышала шум двигателя. Подошла к окну, отдёргнула старую за-

навеску. Его машина, знакомая, чёрная, с тонированными стёклами, медленно подкатила к дому и остановилась у самых ступеней. Из неё вышел Адриан — в том же пальто, с воротником, поднятым от дождя, — и на мгновение замер, глядя на окна, за которыми горел огонь камина. Я развела его час назад, потому что в доме стало совсем холодно, и теперь тёплые отсветы плясали на мокром стекле, делая дом почти уютным, почти живым.

Он вошёл, не постучав, но дверь открыл тихо, словно не хотел напугать. Снял пальто, повесил его на крючок, поправил рукава. Я стояла в дверях гостиной, скрестив руки на груди, и ждала, когда он обратит на меня внимание.

— Ты развела огонь, — произнёс он вместо приветствия, и в его голосе мне послышалось что-то, похожее на сдержанное удивление.

— Здесь холодно, — ответила я. — А вы сами писали, что не хотите лишних проблем с моим здоровьем.

Он чуть приподнял бровь, но комментировать не стал. Прошёл в гостиную, остановился у камина, протянул руки к огню. Я видела, как его лицо, обычно жёсткое и непроницаемое, в тёплом свете пламени стало почти человеческим. Усталые тени под глазами, резкая линия скул, лёгкая щетина на подбородке, которую я не замечала раньше.

— Есть хочешь? — спросила я, сама удивляясь тому, как буднично прозвучал этот вопрос.

Он обернулся, посмотрел на меня с тем самым выражени-

ем, которого я не могла разгадать: не вражда, не безразличие, а что-то третье, зыбкое, как отражение в тёмной воде.

— Не откажусь, — ответил он.

Я прошла на кухню. Из продуктов, что он привёз утром, можно было приготовить что-то простое: картошку, лук, хлеб, банку тушёнки, которую я нашла в ящике. Руки двигались сами, по давно забытой привычке: помыть, порезать, поставить сковороду на старую газовую плиту, которая, к моему удивлению, ещё работала. Скоро по дому поплыл тёплый, домашний запах, и на мгновение мне показалось, что всё вокруг — не декорация к моему одиночеству, а самая настоящая жизнь.

Адриан сел за стол, не спрашивая разрешения. Наблюдал за мной, но молчал. И в этом молчании было что-то новое: не напряжение, не вызов, а тихое, почти невесомое перемирие, как если бы мы оба решили отложить оружие хотя бы до конца ужина.

— Я нашла кое-что, — сказала я, когда тарелки уже стояли на столе, и села напротив него.

Он поднял глаза.

— Что именно?

Я достала из кармана письмо, всё ещё тёплое от моего тела, и положила на стол между нами. Адриан бросил на него быстрый взгляд, и я увидела, как его лицо на долю секунды окаменело. Потом он перевёл взгляд на меня.

— Ты его читала? — спросил он ровно.

— Да.

— И что ты хочешь от меня услышать?

— Правду, — ответила я. — Какую бы она ни была.

Он долго смотрел на письмо, не прикасаясь к нему. Потом взял его, развернул, пробежал глазами по строчкам. Я видела, как на его скулах заходили желваки, и поняла, что он тоже читает это не в первый раз.

— Твой отец действительно написал это, — произнёс он наконец. — И действительно не отправил. Я нашёл его только после его смерти, среди бумаг.

— Тогда почему вы не рассказали мне? — спросила я, и голос мой прозвучал тише, чем хотелось.

Он сложил письмо, отложил его в сторону и поднял на меня тяжёлый взгляд.

— Потому что письмо ничего не меняет. Твой отец взял деньги, которые не смог вернуть. То, что он сделал это ради жены, не освобождает его от обязательств.

— И всё же вы остались здесь, — заметила я. — Хотя могли бы давно выставить меня за дверь.

Он усмехнулся — коротко, без веселья.

— Мог бы. Но не выставил. Думай об этом что хочешь.

Я не стала уточнять. Да и он, кажется, не был настроен продолжать. Мы ели молча, под тихий треск поленьев и монотонный шум дождя, и в этом совместном ужине, лишённом всякой напускной вежливости, было что-то странно правильное, почти ритуальное. Будто мы не просто сидели за

одним столом, а признавали друг за другом право на присутствие в этой старой кухне, где когда-то так давно было тепло.

Позже, когда он снова устроился в кресле у камина, а я мыла посуду, на меня вдруг навалилась такая усталость, что пришлось опереться о край раковины. Голова гудела, в висках стучало, и всё пережитое за день — находка, письмо, этот вечер с его неожиданным спокойствием — казалось мне не вполне реальным.

— Я не знала, что он взял деньги на лечение матери, — сказала я, не оборачиваясь. — Он никогда не говорил.

— Он вообще мало что говорил, — отозвался Адриан после паузы. — Особенно после её смерти.

Я замерла. Обернувшись, посмотрела на него. Он сидел, глядя в огонь, и профиль его в этот момент был почти печальным.

— Вы знали мою мать? — спросила я.

Он не сразу ответил. Потом медленно кивнул.

— Знал. Она была хорошим человеком. Гораздо лучшим, чем все, кто её окружал.

От этих слов у меня снова защемило в глазах, но я сдержалась. Просто отвернулась к раковине и продолжила мыть тарелки, чувствуя, как между нами — поверх всех договоров, долгов и старых обид — протянулась ещё одна нить, тонкая, но прочная.

Ночью я долго лежала без сна, глядя на тлеющие угли. Адриан снова не ушёл. Спал в кресле, укрывшись своим паль-

то. Его дыхание было ровным, спокойным, и от этого звука моя тревога понемногу отступала, как вода во время отлива. Я не знала, что будет завтра, не знала, чем закончится эта странная история с домом и долгом. Но впервые за долгое время я не чувствовала себя одинокой.

И это было, пожалуй, самое страшное.

Глава 4

Утро началось не с запаха дыма и свежего хлеба, как вчера, а с тяжести в груди, которая появилась ещё во сне и никуда не делась после пробуждения. Я лежала на диване, уставившись в серый потолок, и слушала, как за окном надрывается дождь — уже не тихий и убаюкивающий, а злой, порывистый, словно небо тоже устало от затянувшегося противостояния. В доме было холоднее, чем накануне: камин, видимо, прогорел ещё до рассвета, а Адриан то ли ушёл, то ли не стал разводить огонь заново. Я приподнялась на локте, огляделась. Его кресло пустовало, но сумка по-прежнему стояла у двери — значит, далеко он не делся.

Я села, спустила ноги на холодный пол и несколько секунд просто сидела, приходя в себя. В голове, как заезженная пластинка, крутились вчерашние слова, его и мои. «Я не могу просто отдать тебе дом, который нужен мне по причинам, о которых ты не знаешь». Эта фраза не выходила у меня из головы, как и то, с каким лицом он её произнёс. Усталым. Почти обречённым. Но сочувствие к нему — если это было сочувствие — не отменяло главного: у меня на руках по-прежнему не было ничего, кроме старого дома и сомнительного договора.

И именно договором я решила заняться вплотную.

Накинув на плечи кофту, я прошла на кухню. Договор ле-

жал там, где я его оставила — на краю стола, уже не смятый, а бережно разглаженный, словно кто-то трогал его без злобы, просто разглядывая. Рядом стояла пустая кружка с остатками кофе на дне — следы его утреннего присутствия. Я машинально провела пальцем по ободку, потом одёрнула руку, разозлившись на себя за этот жест. Никаких лишних мыслей. Только бумаги.

Я заварила себе чай — заварка, найденная в буфете, отдавала пылью, но пить было можно, — села за стол и пододвинула договор к себе. Телефон лежал рядом, заряженный, готовый в любой момент сделать снимок или отправить запрос. Я медленно, страница за страницей, вчитывалась в каждую строчку, на этот раз не пропуская даже примечаний, набранных мелким шрифтом внизу. Юридический язык был сухим и бездушным, но я заставляла себя вникать, возвращалась к сложным фразам, перечитывала их вслух, как заклинание.

На третьей странице я остановилась. В пункте о переходе права собственности значилось, что сделка считается завершённой с момента подписания договора и передачи оговоренной суммы. Ниже — подпись отца. Его почерк, который я узнала бы из тысячи, дрожащий и неровный, будто он подписывал этот лист, не до конца понимая, что делает. Или не желая понимать. В самом низу стояла подпись покупателя — чёткая, размашистая, с едва заметным нажимом. Адриан Хейл.

Я сглотнула. В горле было сухо, несмотря на горячий чай.

Я перевернула страницу, ожидая увидеть подпись свидетеля или хотя бы отметку о нотариальном заверении, но там было пусто. Только типографский текст и две подписи. Больше ничего.

Я отложила ручку, которую до этого крутила в пальцах, и потянулась к телефону. Сфотографировала первую страницу, вторую, третью. Потом ещё раз, с другого ракурса, чтобы текст был читаемым. Открыла почту, нашла адрес университетского преподавателя, который когда-то вёл у нас курс по гражданскому праву, — он был дотошным и не слишком любезным, но своё дело знал. Я написала ему письмо: короткое, по существу, без лишних эмоций. Прикрепила снимки. Отправила.

Ответ пришёл через два часа. Я не ждала так быстро, но телефон завибрировал, когда я как раз домывала окно в гостиной. Бросила тряпку в ведро, вытерла руки о джинсы и схватила телефон.

«Договор составлен с нарушениями, — писал преподаватель. — Отсутствует подпись свидетеля, что в вашем штате обязательно для сделок с недвижимостью, если хотя бы одна из сторон на момент подписания находилась в уязвимом положении. Есть признаки, что подпись вашего отца могла быть поставлена под давлением или в состоянии ограниченной дееспособности. Советую запросить медицинские документы за тот период. Также обратите внимание на дату: сделка заключена за три месяца до его смерти, что при наличии

долгового обязательства может быть оспорено в суде как кабальная сделка. Наймите местного юриста. Это не безнадежно».

Я перечитала сообщение дважды, потом ещё раз, пока слова не начали расплываться перед глазами. Это не безнадежно. Не безнадежно. Я прижала телефон к груди и выдохнула — длинно, судорожно, будто впервые за много дней. Внутри затеплилась робкая, ещё совсем хрупкая надежда, и я не знала, что с ней делать, как не знают, что делать с первым солнечным лучом после долгой зимы.

К вечеру я набросала план действий: завтра же — к нотариусу, затем — в городской архив за медицинскими картами отца, параллельно искать юриста, который согласится взяться за дело. Я записывала всё это в старый блокнот, найденный в ящике стола, и от этих простых, чётких пунктов мне становилось легче. Впервые за долгое время я не плыла по течению, а двигалась, пусть и медленно, но в нужном направлении.

Когда за окнами сгустились сумерки, я услышала, как к дому подъехала машина. Знакомый звук, ставший за эти дни почти привычным. Я не пошла встречать, только подняла голову от блокнота и стала ждать. Дверь открылась, впустив в дом холодный, влажный воздух и запах дождя. Адриан вошёл, снял пальто, неторопливо повесил его на крючок. Я видела его через открытый проём кухни — усталого, с мокрыми волосами и потемневшими от влаги плечами. Он прошёл

в гостиную, к камину, и вскоре оттуда послышался треск разгорающихся поленьев.

Я вышла из кухни и остановилась в дверях. Он сидел перед огнём, вытянув ноги, и смотрел на пламя, не оборачиваясь. Я молчала, не зная, с чего начать. Он первым нарушил тишину:

— Ты сегодня не выходила.

— Нет, — ответила я. — Изучала документы.

Он кивнул, будто ожидал именно этого.

— И что надумала?

Я прошла в комнату, остановилась у противоположного конца камина. Огонь отбрасывал на его лицо тёплые блики, но глаза оставались холодными и внимательными.

— Договор составлен с нарушениями, — произнесла я ровно. — Отсутствует подпись свидетеля. Для такой сделки это существенно.

Он не удивился. Лишь чуть склонил голову, разглядывая меня так, словно видел впервые.

— Ты консультировалась с юристом, — сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Да.

— И он тебе сказал, что договор можно оспорить.

— Да.

Он помолчал, потирая ладонью подбородок. Я видела, как на его скулах заходили желваки, но голос, когда он заговорил, был спокойным.

— Это не значит, что ты выиграешь, — произнёс он. — Суд может встать на мою сторону. Но если ты готова потратить время и силы, я не буду тебе мешать.

Я нахмурилась.

— Почему?

Он поднял на меня глаза, и в них, помимо привычного холода, промелькнуло что-то похожее на усталое смирение.

— Потому что мне не нужна война с тобой, — ответил он. — Мне нужен дом. Если ты найдёшь способ доказать, что сделка недействительна, — я приму это. Но если нет, не жди, что я отступлю.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, что за игру он ведёт. В его словах не было ни злобы, ни угрозы, но и теплоты тоже не было. Только спокойная, почти обезоруживающая прямота. Я не знала, верить ему или нет, но решила, что пока у меня нет причин отказываться от борьбы.

— Тогда завтра я пойду в архив, — сказала я.

Он кивнул.

— Я отвезу тебя.

Я вскинула брови.

— Зачем?

— Потому что одну я тебя всё равно не отпущу, — ответил он, поднимаясь с кресла. — Это не просьба, Клара. Это условие.

Я хотела возразить, сказать, что не нуждаюсь в сопровождении, что сама справлюсь, но вместо этого лишь сжала губы

и промолчала. В конце концов, он был прав в одном: в этом городе, где каждый третий смотрит на меня как на чужачку, а каждый пятый — как на угрозу, лучше было не ходить одной. Даже если рядом тот, кого я всё ещё не могла до конца понять.

— Хорошо, — произнесла я наконец. — Завтра утром.

Он кивнул и вышел из гостиной, оставив меня одну у камина. Я смотрела на огонь, на танцующие языки пламени, и чувствовала, как внутри меня, поверх усталости и недоверия, медленно, но неотвратимо пробивается росток чего-то нового. Не симпатия, нет. Скорее, осознание, что передо мной не просто враг, а человек, у которого есть свои причины, свои тени и свои шрамы.

И, возможно, именно это пугало меня больше всего.

Глава 5

Я не сразу поняла, зачем он вообще согласился ехать.

Всю ночь ворочалась, прокручивая в голове вчерашний разговор. Он сказал, что отвезёт меня в архив, но в его голосе не было ни доброты, ни уступки — только та же холодная, непробиваемая уверенность, с которой он говорил о долгах и подписях. И всё же утром он стоял у машины, ждал, открыл дверцу. Я села молча, стараясь не выдать, как меня раздражает эта его манера всё решать за меня.

Грейтон выглядел иначе без дождя — собраннее, чётче, будто умылся и приделся к нашему выходу. Я смотрела в окно, но не видела ни домов, ни прохожих. Все мысли были о папке, которая, возможно, ждёт меня в архиве, и о том, что я там найду. И ещё — о нём. О том, почему он едет рядом, хотя каждое моё действие в архиве может обернуться против него. Какая ему выгода? Не просто же он решил побыть водителем.

— Почему вы поехали со мной? — спросила я, наконец нарушив тишину. — Если я найду то, что ищу, вы потеряете дом.

Адриан не повернул головы. Его руки спокойно лежали на руле, взгляд был устремлён вперёд, на мокрую дорогу.

— Я не собираюсь сидеть и ждать, пока ты раскопаешь что-то, о чём я не буду знать, — ответил он ровно. — Всё,

что касается этого дома, касается и меня. Поэтому я буду рядом. Не для того, чтобы помогать тебе, а чтобы видеть, что ты делаешь.

— То есть вы мне не доверяете, — проговорила я, и в моём голосе прозвучала горечь.

— А ты бы на моём месте доверяла?

Он наконец скосил на меня взгляд — быстрый, цепкий, как у хищника, который не упускает из виду ни одного движения. Я не ответила. Да и что тут было говорить? Он прав. Я бы не доверяла. И всё же от его прямооты становилось не по себе, будто он видел меня насквозь, все мои сомнения, все мои мелкие уловки.

Больше мы не разговаривали до самого архива.

Здание было старым, из красного кирпича, с высокими узкими окнами, за которыми, казалось, прятались не документы, а чьи-то непрожитые жизни. Внутри пахло сухой бумагой, пылью и старым воском. За столом у входа сидела пожилая женщина с тугим пучком седых волос и очками на цепочке. Увидев Адриана, она чуть выпрямилась, и в её выцветших глазах промелькнуло узнавание, но она ничего не сказала — только поджала губы.

— Нам нужны личные дела Маркуса Кэмпбелла, — произнёс Адриан.

Женщина перевела взгляд на меня, задержалась, будто пытаюсь найти во мне знакомые черты.

— Вы дочь? — спросила она тихо.

— Да.

Она кивнула, поднялась, исчезла между стеллажами. Я осталась стоять у стойки, чувствуя спиной присутствие Адриана. Он не подошёл ближе, но я знала, что он наблюдает — как всегда, молча, внимательно, без единого лишнего движения.

Когда папка легла передо мной, я не сразу решилась её открыть. Руки вдруг стали ватными, в горле пересохло. Внутри могло быть что угодно: сухие справки, направления, счета. Но всё это касалось отца. Его последних месяцев. Его боли. И я боялась, что эта боль теперь станет и моей.

— Я выйду, — услышала я голос Адриана.

Обернулась. Он стоял у двери, уже взявшись за ручку.

— Зачем? — вырвалось у меня.

— Затем, что тебе это нужно сделать без меня.

Он вышел, не дожидаясь ответа. И от этого — от его неожиданного, почти деликатного отступления — в груди что-то болезненно сжалось.

Я села за стол, развязала тесьму, открыла папку.

Первые страницы — копии амбулаторных карт. Диагнозы, назначения, названия препаратов, которые я не могла выговорить. Потом пошли записи лечащего врача. Я вчитывалась в каждую строчку, хотя буквы расплывались, а в висках нарастал глухой стук. «Пациент дезориентирован», «эмоциональная лабильность», «склонен к импульсивным поступкам», «требуется наблюдение». Последняя запись была сде-

лана за одиннадцать дней до подписания договора. В ней говорилось, что отец находится в состоянии затяжной депрессии и не способен адекватно оценивать последствия своих решений.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Значит, всё это время он был не просто слаб. Он был болен. По-настоящему болен. И в таком состоянии он поставил подпись под документом, который лишил меня дома.

Когда я вышла из архива, Адриан стоял у машины, курил. Увидев меня, затушил сигарету о мокрый асфальт, выпрямился.

— Ну что? — спросил он.

Я посмотрела ему в глаза.

— Отец был не в себе, когда подписывал договор. У врачей есть записи. Это может всё изменить.

Адриан выслушал, и на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Это ещё нужно доказать, — произнёс он. — Записи врача — не приговор.

— Но это уже кое-что, — возразила я.

Он открыл мне дверцу машины, и на этот раз я села, не колеблясь. В салоне снова запахло табаком и его одеколоном. Адриан завёл двигатель, но не тронулся с места. Несколько секунд он смотрел перед собой, потом тихо, почти сквозь зубы, произнёс:

— Ты должна знать: даже если договор признают недей-

ствительным, это не вернёт тебе прошлое.

— Я и не прошу возвращать прошлое, — ответила я. — Я лишь хочу, чтобы настоящее было честным.

Он повернул ключ, и машина мягко покатилась по улице. Мы ехали молча, и в этом молчании было что-то новое — не вражда, не отчуждение, а осторожное, ещё не высказанное признание друг друга.

Я смотрела на серые дома, на голые ветки, на бледное небо, которое так и не прорвалось дождём. И впервые мне показалось, что впереди, за этой сплошной пеленой, есть не только борьба.

Есть что-то ещё. И от этой мысли было одновременно страшно и легко.

Глава 6

Мы возвращались в тишине, и она была тяжелее всех прежних. Не из-за холода и не из-за усталости, а потому, что в этой тишине между нами повисло недосказанное, как плотный туман. Я смотрела на дорогу, на блестящий после недавнего дождя асфальт, на серые стволы деревьев, мелькавшие за окном, и пыталась осознать то, что нашла в архиве. Записи врача. Болезнь отца. Даты. Всё это должно было помочь, но вместо облегчения внутри разрасталась ноющая, тяжёлая пустота, будто я не приобрела, а потеряла что-то важное.

Адриан молчал. Вёл машину спокойно, не отвлекаясь, но я чувствовала: он думает. Не о дороге. Обо мне. Или о том, что я теперь знаю. Его пальцы, лежавшие на руле, были ослаблены, но челюсти сжаты так, что на скулах проступали желваки. Я не могла понять, злится он, раздражён или просто устал. Но что-то в его молчании изменилось. Оно стало не оборонительным, а каким-то... обнажённым.

— Остановите, — попросила я внезапно, сама не зная зачем.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Зачем?

— Мне нужно выйти. Подышать.

— Мы почти дома.

— Адриан, — произнесла я, и, кажется, впервые назвала

его по имени без вызова и без ненависти. — Остановите.

Он сжал руль чуть крепче, но через несколько секунд прижался к обочине, заглушил двигатель. Тишина стала почти осязаемой. Я открыла дверцу и вышла на воздух, сырой и холодный, пахнувший палой листвой и близким лесом. Сделала несколько шагов по тротуару, обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь, которая шла изнутри, не снаружи. Я не знала, что делаю и зачем. Просто не могла больше сидеть в этом тесном салоне, где его присутствие давило на меня со всех сторон, как плотная стена.

За спиной хлопнула дверца. Шаги. Медленные, осторожные. Он не подошёл вплотную — остановился в паре шагов, и я почувствовала его взгляд на своей спине.

— Что с тобой? — спросил он, и в голосе не было ни издёвки, ни холода. Только усталость.

— Я не знаю, — честно ответила я, не оборачиваясь. — Наверное, просто устала.

— Это не усталость, Клара.

Я закрыла глаза. Его слова, тихие, но уверенные, проникли под кожу, как тёплая вода. Он был прав. Это не усталость. Это было осознание, что отец был не просто слабым человеком, который не справился с жизнью. Он был болен. И я не знала. Я жила в другом городе, строила свою жизнь, а он в это время тонул, и никто не пришёл ему на помощь.

— Я должна была быть рядом, — произнесла я, и голос сорвался. — Я должна была вернуться раньше.

Адриан не ответил. Но я слышала, как он вздохнул — тихо, почти незаметно. Потом сделал шаг. Ещё один. Его ладонь осторожно коснулась моего плеча, и от этого простого прикосновения у меня перехватило дыхание. Оно не было ни настойчивым, ни требовательным. Просто тёплое, живое, человеческое.

— Ты не виновата, — сказал он. — Ты не могла знать.

Я резко обернулась. Его лицо было так близко, что я видела каждую ресницу, каждую тень, каждую мелкую морщинку у глаз. Он смотрел на меня не так, как раньше. В его серых глазах больше не было льда. В них было что-то, отчего моё сердце сначала замерло, а потом забилось так быстро, что я испугалась, что он услышит.

— Почему вы так говорите? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло, как после долгого сна.

Он не отвёл взгляда.

— Потому что я тоже винил себя. За своего отца. За то, что не успел. За то, что был ребёнком, который не мог ничего изменить.

Я смотрела на него, и в груди что-то рушилось. Стена, которую я строила годами. Броня, которая помогала мне не чувствовать. Всё это осыпалось, как сухая штукатурка, и я впервые видела перед собой не врага, не захватчика, не человека, который хочет отнять мой дом. Я видела мужчину, который носит в себе ту же боль, что и я. Может, поэтому он и был таким холодным. Может, поэтому и я старалась не

подпускать никого слишком близко.

— Мне жаль, что вам было больно, — прошептала я.

Он чуть наклонил голову. Его ладонь всё ещё лежала на моём плече, и это прикосновение теперь не казалось чужим. Наоборот — единственно правильным.

— Мне тоже жаль, — ответил он. — Но это не меняет того, что я не могу просто отдать тебе дом.

Я опустила глаза. Его слова не ранили. Странно, но они звучали честно, и именно поэтому я не могла на них злиться.

— Я понимаю, — сказала я. — Но и я не могу просто уйти.

Он медленно убрал руку. Отступил на шаг. Я сразу почувствовала холод, будто между нами снова встала стена. Но теперь в ней появилась трещина. Тонкая, едва заметная, но настоящая.

— Поехали, — произнёс он. — Становится темно.

Я кивнула. Села в машину. Он завёл двигатель, и мы снова поехали по серым улицам Грейтона. Но теперь молчание не было тяжёлым. Оно было наполненным, как воздух после грозы, — свежим, чистым, полным того, что мы оба не решились сказать.

Дома он снова развёл огонь, хотя я не просила. Я смотрела, как он возится с дровами, как тёплые отсветы пляшут на его лице, и впервые не чувствовала ни раздражения, ни протеста. Только тихую, почти болезненную благодарность.

И когда он поднялся, отряхнул руки и посмотрел на меня через плечо, я не отвернулась.

— Спасибо, — произнесла я.

Он кивнул, ничего не ответил. Но я видела: что-то изменилось. В нём. Во мне. В самом воздухе этого старого дома, который, возможно, снова начинал оживать.

Глава 7

Огонь в камине догорал, рассыпаясь на багровые угли, которые время от времени вспыхивали короткими, жадными язычками, чтобы через мгновение снова угаснуть. Я сидела на полу у самого очага, подтянув колени к груди, и смотрела, как тени мечутся по стенам, словно спорят друг с другом о чём-то, чего мне не дано услышать. В доме было тихо — так тихо, что я слышала, как где-то наверху, под самой крышей, скрипит от ветра старая балка, как потрескивают доски, остывая после долгого дня. И ещё я слышала его дыхание. Ровное, спокойное, но не сонное.

Адриан сидел в кресле у окна, вытянув ноги, и смотрел не на меня, а куда-то в темноту за стеклом. После нашего возвращения из архива он почти не разговаривал, но и не уходил. Оставался рядом, как остаются те, кто боится, что их присутствие важнее любых слов. Я то и дело ловила на себе его взгляд — быстрый, ускользающий, как блик на воде, — и делала вид, что не замечаю. Но замечала. Конечно, замечала. И от этого становилось беспокойно, как перед грозой, когда воздух уже наэлектризован, а первого грома всё нет.

— Я сегодня впервые поняла, что ничего не знала о нём, — произнесла я, глядя в огонь. — О том, каким он был до болезни. До смерти мамы.

Адриан не ответил сразу. Я слышала, как он пошевелился

в кресле, как тихо скрипнула старая обивка.

— Он был хорошим человеком, — сказал он наконец. — Пока не сломался. А когда сломался, уже не мог остановиться.

Я повернула голову, посмотрела на него. Его лицо было наполовину в тени, и только скула и висок подсвечены тёплым отсветом углей. Он не выглядел ни злым, ни равнодушным. Скорее, уставшим, как человек, который слишком долго таскает в себе чужую боль.

— Ты говоришь так, будто был рядом, — заметила я.

— Я и был рядом. В последние годы.

Я нахмурилась.

— Но я не знала о тебе. Отец никогда не упоминал.

Адриан повернул голову. Его серые глаза блеснули в полумраке, и в них появилось что-то, чего я раньше не видела — не то сожаление, не то горечь.

— Твой отец не хотел, чтобы ты знала. Он стыдился того, во что превратилась его жизнь. И тех людей, с которыми ему приходилось иметь дело. Я был одним из них.

Я слушала, боясь пошевелиться. В его словах было столько тихой, давней боли, что у меня защемило в груди. Отец отгородился от меня. Отгородился от всего, что могло бы напомнить ему о прежней жизни.

— Ты был его должником? — спросила я осторожно.

Он горько усмехнулся.

— Скорее наоборот. Это он был должен мне. Но я не при-

шёл за долгом, пока он был жив. Не мог.

Он замолчал, и я не стала торопить. Чувствовала: если надавлю, он снова закроется, спрячется за своей холодной бронёй, и тогда эта хрупкая, едва возникшая близость исчезнет, как дым от задутой свечи.

— Твой отец был единственным, кто отнёсся ко мне по-человечески, когда я появился в этом городе, — продолжил он после долгой паузы. — Дал мне работу. Позволил остаться. Он говорил, что я похож на него в молодости. Что у меня ещё есть шанс не повторить его ошибок.

Я смотрела на него, и в моей голове не укладывалось, как человек, который говорит такие вещи, мог прийти ко мне с договором и требовать выселения. Всё внутри меня протестовало против этого противоречия. И одновременно я чувствовала, что начинаю понимать: его поступки не так просты, как мне казалось. В них больше боли, чем расчёта.

— Это не отменяет того, что дом тебе дорог, — тихо произнесла я. — Но теперь я хотя бы знаю, почему.

Он перевёл на меня долгий, тяжёлый взгляд. В его глазах, глубоких, как вода в старом колодце, отражались отблески умирающего огня, и на мгновение мне показалось, что я вижу в них не холод, а что-то до боли уязвимое, спрятанное так глубоко, что он сам, возможно, забыл о нём.

— Я приехал сюда не для того, чтобы воевать с тобой, Клара, — сказал он, и мой голос в его устах прозвучал совсем иначе, чем раньше. — Я приехал, чтобы закрыть долг. Но

чем дольше я здесь, тем меньше понимаю, как это сделать, не разрушив всё.

— Всё? — переспросила я, и сердце сбилось с ритма.

Он не ответил. Только смотрел на меня, и в этом взгляде было столько невысказанного, что у меня перехватило дыхание. Я вдруг отчётливо осознала, что мы давно уже не говорим о доме. Что между нами происходит что-то иное, чему нет названия, и это пугало больше любых угроз.

Я поднялась с пола, отряхнула джинсы. Подошла к окну, остановилась рядом с его креслом, но смотреть на него боялась. Просто стояла, обхватив себя руками, и слушала, как за стеклом шумит дождь, вернувшийся под утро, как он стучит по карнизу, как ветер гнёт голые ветки.

— Мы говорим о доме, но оба имеем в виду не его, — произнесла я, не поворачиваясь.

Он встал. Я услышала, как он медленно поднялся с кресла, как сделал шаг, другой, и вот уже его присутствие ощущалось у меня за спиной — тёплое, плотное, как стена, о которую не разбиться, а наоборот, за которой можно укрыться.

— О чём же? — спросил он, и голос его прозвучал неожиданно близко, у самого моего уха.

Я замерла. Сердце колотилось часто-часто, и я прикрыла глаза, боясь, что он услышит.

— О нас, — выдохнула я.

Он не коснулся меня. Просто стоял рядом, и от этого было спокойнее, чем от любых объятий. А потом, когда я наконец

повернулась, его лицо оказалось совсем близко, и я увидела, что лёд в его глазах растаял.

— Я не знаю, чем всё закончится, — прошептал он. — Но пока ты здесь, я, кажется, впервые не хочу, чтобы это заканчивалось.

Я не нашлась, что ответить. Да и не нужно было. Мы просто стояли рядом, в старом доме, под шум дождя, и позволяли этому мгновению быть. Без обещаний. Без условий. Без страха.

И, возможно, именно это было началом. Настоящим.

Глава 8

На следующий день я снова взялась за документы. Утренний дождь барабанил по крыше так настойчиво, словно хотел напомнить, что у этого города нет других красок, кроме серых, но я почти не замечала его. Передо мной на столе лежали копии договора, сделанные вчера вечером, и список вопросов, которые я набросала на полях старого блокнота. Вопросы было много, и все они касались одного: как доказать, что отец не отдавал отчёта в своих действиях, когда ставил подпись.

Адриан ушёл рано утром, не сказав ни слова. Только бросил на меня короткий взгляд из прихожей, прежде чем выйти под дождь. Я сделала вид, что увлечена бумагами, но на самом деле продолжала думать о вчерашнем вечере, о том, как он стоял за моей спиной у окна, как сказал, что не хочет, чтобы это заканчивалось. Что это было? Минутная слабость? Или что-то большее, чему он сам не знал названия?

Телефон завибрировал, вырвав меня из раздумий. На экране высветилось сообщение от преподавателя, к которому я обращалась: он дал контакт местного юриста, специализирующегося на спорах с недвижимостью. «Морган Хейз. Немногословная, но дело знает. Скажи, что от меня». Я поблагодарила, сохранила номер и, поколебавшись, набрала его.

Голос Морган Хейз оказался таким, каким я и представляла: сухой, деловой, без лишних любезностей. Она выслушала меня, задала несколько коротких вопросов, а потом велела приехать в офис после обеда. Я согласилась, хотя идея снова ехать в город вызывала смутную тревогу. Но отступить было нельзя. Слишком многое зависело от того, удастся ли мне найти лазейку.

Перед выходом я заглянула в спальню, где висело старое зеркало в потрескавшейся раме. Поправила волосы, одёрнула свитер. В отражении на меня смотрела уставшая, но собранная женщина с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Я не знала, что думает обо мне Адриан, но сегодня, кажется, впервые за долгое время мне было важно, как я выгляжу.

Офис Морган Хейз находился в центре, в старом трёхэтажном здании с облупленным фасадом. Внутри пахло горьким кофе и бумагой, а в приёмной горела лампа с зелёным абажуром, отбрасывая на стены уютный, но какой-то тревожный свет. Морган оказалась женщиной лет сорока пяти, с коротко стриженными седыми волосами и цепким взглядом. Она не улыбалась, но и не была враждебна. Просто изучала меня, как изучают документ, который нужно прочитать между строк.

Я выложила перед ней копии договора и свои записи. Она слушала, не перебивая, изредка делая пометки в блокноте. Когда я закончила, она откинулась на спинку кресла и сце-

пила пальцы в замок.

— Дело не безнадёжное, — произнесла она. — Но и не простое. Договор составлен грамотно, хоть и с нарушениями. Если нам удастся доказать, что в момент подписания ваш отец был недееспособен или находился под давлением, сделку можно признать недействительной. Но для этого нужны свидетели, медицинские заключения и, желательно, доказательства того, что вторая сторона знала о его состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.